

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В ВОЗЗРЕНИЯХ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА И ЕЕ ПОСЛЕДУЮЩИЕ СТОРОННИКИ

Историки, слависты, библиографы и книговеды полагают, что «славянская идея», как осознание взаимной близости и особой этнической индивидуальности славян, была отражена еще в «Повести временных лет», где славянские племена рассматривались в качестве некоей единой общности. Более ощутимую аргументацию, нежели воспоминания о некоей единой общности, эта идея получила в обнаружении родства языков славянских народов. Близость славянских этносов нашла свое отражение в сочинениях многих славянских писателей¹.

В период XVI–XVII вв. славянская идея приобрела политическую окраску, вызванную пропагандой единения славянских народов для совместного протеста против турецких завоевателей. Была в ней и религиозная составляющая, содержание которой эволюционировало от осознания принадлежности к одной и той же «восточной церкви» восточных и части южных славян до призыва к славянским народам объединиться посредством взаимных уступок (ввиду возникших религиозных различий). Эти и многие другие темы стали предметом осмысления для сторонника идеи единства славянского мира итальянского историка Мавро Орбини. Его трактат «Славянское царство» (1601)² был переведен и издан в Петербурге (с сокращениями) в 1722 г.

Тема близости славянства набирала остроту по мере формирования национального самосознания народов, их стремления к сохранению самобытной культуры, она актуализировалась и обсуждалась в связи с конкретными историческими событиями. Интерпретаторы идеи славянского единства, главным образом религиозные и культурные деятели, исходя из конкретно-исторических условий и руководствуясь различными стратегиями в их искреннем намерении

¹ См.: *Гольдберг А.Л.* «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Русская литература XI–XVII вв. среди славянских литератур. Труды отдела древнерусской литературы, т. XIX.. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 373–390.

² *Орбини М.* Славянское царство: происхождение славян и распространение их господства / Пер. с итал. и предисл. Ю. Куприкова. 3-е изд. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

приблизить искомое к реальности, намечали различные пути достижения славянского единства, наполняя эту идею емкими, часто неоднозначными смыслами.

Значительный вклад в обоснование и развитие славянской идеи внес своей деятельностью хорватский философ, богослов, историк и миссионер Юрий Крижанич (1617–1683). Будучи выходцем из южных славян, он проникся этой идеей, тем более что хорватский народ в его время был практически колонизирован, разделен между турками и австрийцами и потому нуждался в сохранении своей культуры и языка.

К настоящему времени о Крижаниче написано немало. Среди исследователей его творчества встречаются спорные трактовки, что вызывает полемику, побуждает к написанию разъяснений и опровержений отдельных суждений. Это связано в большей степени с тем, что «наши представления и о деятельности Ю. Крижанича, и о его трудах еще очень неполны, а раз так, то и дать категорическую и окончательную оценку его деятельности мы не можем»¹. Нам неизвестно донесение Крижанича о результатах поездки в Московию, у нас нет документов Доминиканского ордена, где, «возможно, есть еще одно подтверждение католическо-миссионерской деятельности Крижанича, но не исключено, что там говорится об измене Крижанича делу миссии»². Отсутствие необходимой информации все же не препятствует исследованию творчества Крижанича, в частности признанию его неопределимых заслуг в осмыслении важнейших проблем, связанных с русской жизнью и волновавших допетровское общество, а также в разработке идеи близости славянских народов и поиска путей для их взаимопонимания.

Для раскрытия нашей темы сошлемся на суждения А. Мааркевича из историко-литературного очерка «Юрий Крижанич и его литературная деятельность» (1878), который представляется нам обстоятельным исследованием, ибо автор при его написании использовал многочисленные и порой малодоступные публикации, среди которых были эпистолярные источники и другие архивные материалы. Пытаясь объяснить возникновение у Крижанича славянской идеи, в частности идеи всеславянского единения, автор указывает, что посылы к этому возникли у хорвата еще в период обучения в Италии: «Нужно иметь в виду, что Италия в это время была увлече-

¹ Пушкарев Л.Н. Об оценке деятельности Юрия Крижанича // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 78.

² Там же.

на идее народного единения, которую завещал ей еще Данте. Ю. Крижанич, который, конечно, помнил печальное положение своего народа, порабощение его чужеземцами, не мог не задаваться мыслью об избавлении его от этой печальной участи, и причину этого рабства он не мог не видеть в обособленности хорватов от других славянских племен. Поэтому не удивительно, что он увлекся идеей народности, народного объединения, которая впоследствии овладела всем его существом; но в рассматриваемое нами время его жизни он был предан преимущественно идее церковной унии»¹.

Уния, полагают исследователи, трактовалась Крижаничем как полное единство православной и католической церковью, достигнутое на основе компромисса, причем без всякого подчинения одной из них другой, но с предварительным выяснением разногласий, с возможными уступками как со стороны восточной, так и со стороны западной церкви. По мере изучения богословско-исторической литературы с целью уяснения истоков проблемы разделения церковью Крижанич увлекся идеей народности и в итоге, по мнению Маркевича, «преобразился из католического священника и хорватского писателя-патриота в ревнителя литературного, религиозного и политического объединения всех славянских племен»². Как отмечают последующие исследователи его творчества, можно заметить изменение воззрений славянского мыслителя, приведшее к тому, что впоследствии он уже «считал нереальной идею объединения церковью»³.

Еще до приезда в Москву Крижанич проявил интерес к русскому языку, который, по его мнению, имеет громадное первенство перед хорватским «наречием», и спустя некоторое время пришел к тому заключению, что этот язык, кое в чем исправленный и дополненный, может лечь в основу общего языка славян и объединить их в литературном отношении. Крижанича увлекла идея сравнительного изучения славянских языков. Владея несколькими языками, по меньшей мере венгерским, турецким, латинским, немецким и итальянским, но выбрав Россию для миссионерской деятельности, Крижанич во время пребывания в Смоленске (1647), начал изучать кириллицу и глаголицу, работать над грамматикой хорватского и

¹ Маркевич А. Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1878. С. 6–7.

² Там же. С. 8.

³ Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984. С. 135.

церковно-славянского языков, стремясь к их усовершенствованию¹. В 1659 г. он приезжает в Москву, но вскоре его отправляют в ссылку в Тобольск, которая длилась 15 лет. В этот период Крижанич пишет лингвистические трактаты: «Объяснение сводное о письме славянском» (1660–1661) и «Грамматично изказание об русском языке» (1666), которые свидетельствуют о проделанной им работе по установлению общности языков славянских народов и намерении создать единый язык как средство взаимопонимания. Впоследствии именно эту идею – идею общности славянских языков – расценивали некоторые авторы как исходную и основополагающую для установления принадлежности к славянству. Филолог и этнограф Н. С. Трубецкой в работе «К проблеме русского самопознания» (1927) утверждал, что только языковой критерий является знаком славянства: «Славянство не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое. Язык и только язык связывает славян друг с другом»².

Сходство, различие, взаимовлияние языков, установление причин изменений в языке становится предметом исследования Крижанича. В предисловии к работе «Объяснение сводное о письме славянском» он отмечает, что «письмо наше от своего возникновения никогда (кроме как Смотрицким) не было подвергнуто изучению»³. Речь идет о сочинении М. Смотрицкого «Грамматика» (1619). Следует видеть принципиальное различие между идеологическими установками Смотрицкого и Крижанича, которое «проявилось именно в отношении к славянскому письму, поскольку Смотрицкий поддерживал ориентацию славянского письма на греческие модели, проводил идею только православного единства, а Крижанич выступал за возможность равного соотношения славянского письма не только с греческим, но и с латинским письмом, проводил идею христианского единства»⁴.

¹ Акулич Е.М., Акулич М.М., Гербер Л.П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича / Под ред. М. М. Акулич. Тюмень, 2006. С. 71.

² Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 96.

³ Крижанич Ю. Объяснение сводное о письме славянском // Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь: Изд-во «Сатори», 2008. С. 145.

⁴ Запольская Н.Н. «Объяснение сводное о письме славянском»: графико-орфографические опыты Крижанича // Тверская рукопись Юрия Крижанича. С. 186.

Крижанич осуществляет сравнительный анализ славянских языков и исходя из того, что языки со временем изменились, подвергшись разным влияниям, пишет, что «требуется о каждом изменении пространно рассказать, от кого, как и почему произошли те или другие изменения»¹. Из его пояснений видно, какие славянские языки вошли в круг его рассмотрения: «Но здесь (по мере наших сил) мы показываем, что белорусы из польского письма и речи, что греки-переводчики из своего письма и речи и что русские писцы из своего понимания привнесли в славянское письмо»². При этом он обращается к предполагаемому читателю, разъясняя, «насколько велик и разнообразен труд, который был необходим для этого описания. И кто не знал бы, чем отличается русский от польского, польский от хорватского, хорватский от сербского и чешского; кто не знал бы правописания греческого, латинского, немецкого, польского, русского, белорусского и задунайского, никак этого исследования не смог бы составить»³. Отдадим дань обширным познаниям автора этих строк, чья работа сегодня может быть отнесена к области сравнительной лингвистики.

В создании особого «всеславянского» языка и его усовершенствования Крижанич видит один из важнейших путей культурного сближения и взаимопонимания славян. В основу создаваемого им языка положены церковнославянский, разговорный русский и литературный хорватский языки. По мнению Н. Н. Запольской, близость именно русского языка к «общему» славянскому книжному языку, собственно его лингвистические характеристики обеспечили ему генетическое и функциональное превосходство. Из этого следует понимание того, почему в названии его следующей работы «Грамматично изказание об русском языке» использовано слово не «славянский», а «русский». Кроме того, важно подчеркнуть тот факт, что «Крижанич не пытался осуществить *реформу* славянского языка, объединив элементы кириллицы и латиницы, и не создавал “общего” славянского языка, а лишь “исправлял” славянское письмо и церковнославянский язык, понимаемый им как “общий” славянский язык»⁴. Работу «Грамматично изказание об русском языке» Крижанич заканчивает летом 1665 г. и начинает ее набело переписывать,

¹ Крижанич Ю. Объяснение сводное о письме славянском. С. 145.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Запольская Н.Н. «Объяснение введено о письме Словѣнском»: графико-орфографические опыты Крижанича. С. 196.

одновременно работая над объемным сочинением, начатым им в 1663 г., часть которого впоследствии была опубликована под названием «Политика». Это сочинение подчас расценивают как первый научный труд в России. Не излагая обширную проблематику, к которой обращался в этом сочинении Крижанич, отметим, что тема общности славянской культуры и языка в нем была продолжена.

В «Политике» Крижанич ратует за самобытность культуры и за чистоту языка, осуждает языковые заимствования и любые формы аккультурации. Данная им оценка «нашего» языка побуждает к его исправлению: «Наш язык беден всеми этими свойствами и добрыми качествами. Не вижу я в нем ничего, что было бы достойно похвалы, поскольку он скуден, несовершенен, свистящ или неприятен на слух, испорчен, необработан и во всех отношениях беден. И таковы все наречия нашего языка: русское, польское, чешское, болгарское, сербское и хорватское. Ибо мы не имеем названий для искусств и наук, для приказов и вещей военных, для городских приказов, для добродетелей и пороков»¹. Поэтому Крижанич ставит перед собой задачу очистить славянский язык от примесей, продолжает работу над совершенствованием языка.

Правомерен вопрос: в каком контексте оценивает состояние «нашего» языка Крижанич? Что дает ему основание выносить такие резкие суждения, как то: «Наш язык менее всего прочих пригоден для песен, стихов или для всякой склáдной и поэтической речи и пения»?² Напомним, что Крижанич получил образование в Западной Европе, в частности в Риме. Кстати, в Италии в XVII в. бурно развивается музыкальная культура, в Риме возникает первый придворный оперный театр (театр братьев Барберини), звучат сочинения великого итальянского композитора К. Монтеверди, заложившего фундаментальные основы оперного искусства, создаются музыкальные общества и академии по образцу гуманистических кружков, обсуждаются вопросы теории музыки. Возможно, эта культурная среда способствовала тому, что Крижанич написал два тракта по теории музыки, опубликованных в 1656 г. в Риме³. Кроме того, он является автором поэтического цикла «Иллирия», в котором идет речь об этнической общности хорватов, сербов, словенцев. Эти факты могут прояснить заботу Крижанича о развитии и надлежащем

¹ Крижанич Ю. Политика / Пер. и комм. А. Л. Гольдберг, ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1965. С. 466.

² Там же. С. 468.

³ Тверская рукопись Юрия Крижанича. С. 217.

совершенствовании «нашего» языка, о сохранении славянских порядков и обычаев: «Ничто не может быть гибельнее для страны и для народа, чем пренебрежение своими благими порядками, обычаями, законами и языком, и присвоение чужих порядков и чужого языка, и желание стать другим народом»¹. Любопытна его оценка подверженности славянских народов иностранным влияниям, что хлестко охарактеризовано им как «чужебесие». В этой связи правомерно рассматривать идейное наследие Крижанича, выявляя в нем оценочные суждения, обусловленные конкретными местом и временем.

Именно так анализирует воззрения Крижанича выдающийся историк XIX в. Н. И. Костомаров, находя в нем как достоинства, так и недостатки. В своем объемном исследовании «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» он отметил: «Крижаничъ не былъ чуждъ предразсудковъ, свойственныхъ своему кругу и вѣку; его увлеченія переходятъ за предѣлы благоразумія и правды; но съ тѣми же предразсудками и увлеченіями переплетаются признаки проницательности и замѣчательно яснаго взгляда на предметы»². Идею славянского единства Костомаров расценивает как одну из значимых в наследии Крижанича: «Что касается до всеславянской идеи, то ни у кого она не была выражена съ такою любовію и полнотою. Крижаничъ первый искалъ будущаго центра славянской взаимности въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не впадаетъ въ политическія утопіи, не мечтаетъ о всеславянскомъ царствѣ подь московскимъ скипетромъ, не подвигаетъ царя къ нелпой мысли о завоеваніи словянъ, напротивъ, хочетъ достигнуть этого желаннаго единства путемъ сближенія духовнаго, поставивши племенное начало руководящею нитью, требуя предпочтенія словянъ другимъ иноземцамъ, хочетъ, чтобы всѣ словяне признаваемы были за единый народъ помимо всякихъ различій, условливаемыхъ церковными и государственными связями»³.

Подхваченные Крижаничем в историческом потоке идей «славянская идея» и проблема сохранения самобытной славянской культуры продолжили свое развитие в последующем, обрастая новыми трактовками и рекомендациями по достижению «всеславянства».

¹ Крижанич Ю. Политика. С. 635.

² Костомаров Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Второй отдѣлъ: Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Вып. IV: XVII столѣтіе. СПб., 1874. С. 453.

³ Там же. С. 457.

При этом отметим, что развитие славянской идеи не означает преемственности. Как раз напротив, нельзя не видеть разнообразия ее трактовок, в некоторых случаях явно противоречащих позиции Крижанича. Множество стратегий, обусловленных геополитическими обстоятельствами, а также историческими и политическими реалиями, прямо или косвенно определяли убеждения приверженцев этой идеи. Не вдаваясь в детальное рассмотрение сложившихся воззрений, приведем лишь некоторые примеры.

Н. Я. Данилевский допускал возникновение федеративной формы Славянского мира с целью достижения духовного единства, которое «есть главное, существенное, высшее; политическое же объединение – сравнительно низшее. Это низшее и должно быть прежде всего достигнуто, дабы высшее могло осуществиться; с него нужно начинать, так как это фундамент»¹. Ставя задачу политического объединения славян, Данилевский писал о необходимости нескольких лет «общей борьбы, в простом, буквальном смысле этого слова», полагая, что «несколько лет политического сожительства сделают больше для духовного единства славян, для возведения русского языка в общеславянское средство обмена чувств и мыслей, нежели столетия самых напряженных, неустанных усилий путем частных совещаний, изустных и печатных проповедей»². Сравнивая эти суждения с воззрениями Крижанича, заметим, что хорватский мыслитель почти нигде не высказывал своего мнения о том, как будут складываться политические отношения между славянскими народами после их победы в освободительной борьбе, что он был убежденным и последовательным противником «сверх-государств» и осуждал тех правителей, которые претендовали на «величие сверх обыкновенного»³.

Развитие идеи славянского единства привело к панславизму, который следует понимать как идеологию, превозносящую роль России в этом процессе. В этой связи считаем некорректным суждения некоторых авторов, утверждающих, что Юрий Крижанич – это «первый панславист»⁴, «отец современного панславизма»⁵, по-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М.: Эксмо, 2003. С. 415.

² Там же.

³ Гольдберг А.Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича. С. 388.

⁴ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913. С. 74.

⁵ Колосов В.И. Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича // Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. Тверь,

сколькx эта идеология возникла позже, в результате эволюции славянской идеи, и ее формирование связано с конкретным историческим периодом и не может быть произвольно распространено на предшествующее время. В XIX в. идеология панславизма укоренилась весьма глубоко, порой даже не будучи явно манифестируемой. Некоторые из форм ее присутствия еще малоизучены и представляют интерес для исследователей. К примеру, в документах возникшего в конце 1823 г. и функционировавшего на территории Вольнской и Киевской губерний общества, получившего название «Общество соединенных славян» (впоследствии вошедшего в состав Южного общества декабристов), «в завуалированной форме представлена идея единения славян, ибо иносказательно обозначена территория, на которой возможна их совместная жизнь»¹.

Мысль о территориальном единстве славян получила своеобразное воплощение и в художественной литературе. В фантастическом политико-социальном романе С. Ф. Шарапова «Через полвека» повествуется о том, как главный герой, проспав более пятидесяти лет, проспал «старую Россию, которую любил и жизнью которой жил», и стал очевидцем множества изменений, которые произошли за это время. Одно из них было таким: на увиденной им политической карте границы новой Российской империи расширились неминуемо, потому что теперь «Россия объединила славянские племена, “славянские ручьи слились в русском Море”, а это море разлилось на половину Европы и Азии, от Северного до Индийского океана и от Великого Тихого океана до Архипелага и Адрии»².

Очевидно, предполагая неоднозначную читательскую интерпретацию описанного в романе, Шарапов в разделе «Вместо предисловия» (датированном октябрем 1902 г.) поясняет: «Я хотел в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленной. Это служило для нее своего рода проверкой»³. Итак, автору пришлось оправдываться, объясняя, что он

2008. С. 198.

¹ Павлов В.Л. Общество соединенных славян: взгляд из современности // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. Вып. 2. С. 84.

² Шарапов С.Ф. Через полвека. Фантастический политико-социальный роман // Шарапов С.Ф. Избранное / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Репникова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 648.

³ Там же. С. 607.

не пытался предсказывать что-либо, так как он сам очень хорошо знает, что ничего подобного не будет, и что он лишь хотел показать, что бы могло быть, если бы славянофильские воззрения стали руководящими в обществе и правящих сферах. Далее Шарапов пишет: «Я прошу снисхождения хотя бы уже ради того, что “роман” этот в свое время писался фельетонами в уличную газету, которую я возымел дикое намерение “отмыть” и “приподнять”... Очень уж было заманчиво в невинной форме изложить заветную политическую, церковную и общественную программу славянофильства перед тридцатитысячной аудиторией простецов, никогда ни о чем подобном не слыхавших»¹.

Не только цитируемый нами автор, но и последующие исследователи этой темы отмечали, что уже к 1880 г. славянофильская терминология звучала как анахронизм и читателем воспринималась как пародия². Однако наряду с такой оценкой сложились и иные оценки, далекие от ироничности и пародирования. Некоторые из них были вызваны тем, что «русское славянофильство уже в 70-е годы XIX в. перерождается в откровенное русофильство, которое способствовало развитию русофобских настроений в славянских странах»³. О разнообразных стратегиях осмысления этой темы может свидетельствовать сложившаяся терминология, например: австро-славизм, польское славянофильство, украинское славянофильство, неославизм и др. Эта тема находила развитие и поддержку в различных формах общественной деятельности: в проведении славянских съездов, в организации славянских союзов и обществ, в выпуске периодических изданий и пр. Интерпретации славянской идеи не отличались единством и имели различные версии. Одна из них – оценка деятельности членов «Славянского клуба», возникшего в 1901 г. в Кракове, данная профессором Я. Скорчиньским: «Славянское движение в Кракове, воюющее с пророссийской ориентацией неославистов, пропагандировало идею автономии славянских племен по образцу той, которую имели поляки под австрийским управлением»⁴.

¹ Там же. С. 608.

² *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во МГУ, 1986.

³ *Замалеев А.Ф.* От славянофильства к русофильству: разложение общеславянской идеи // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2017. Вып. 29. С. 8.

⁴ *Skoczyński J.* Wartość pesymizmu. Studia i szkice o Marianie Zdziechowskim. Kraków, 1994. S. 21.

«Славянский клуб» был создан в то время, когда славянские народы, за исключением России, Болгарии, Сербии и Черногории, были лишены государственности и находились под иностранным господством. По инициативе поляков Кракова, расположенного на землях, входящих в то время в состав Австро-Венгерской империи, был создан «Славянский клуб». Это сообщество представляло собой ассоциацию интеллектуалов, просуществовавшую вплоть до 1937 г., хотя во время Первой мировой войны деятельность клуба была приостановлена, а после возобновления ослабела, что постепенно привело к прекращению его существования. Членами клуба были известные лингвисты, искусствоведы, экономисты, историки, деятельность которых носила, выражаясь сегодняшней терминологией, трансграничный характер. Численность «Славянского клуба» составляла около 45 человек. Инициатором создания клуба и его президентом вплоть до 1912 г. был теоретик литературы, лингвист, публицист, в то время российский подданный польского происхождения Мариан Здзеховский¹.

Печатным органом клуба был ежемесячный журнал «Славянский мир», редактором которого был историк и публицист, автор книги «О множестве цивилизаций» Феликс Конечный². Цель журнала заключалась в изучении интеллектуальной и культурной жизни всех славянских народов, о чем было сообщено сразу же в первом номере, причем была провозглашена аполитичность журнала. Однако всё же стимул для создания и деятельности «Славянского клуба» и его печатного органа лежал в политической области, в борьбе с панславизмом и в обретении автономии славянских народов, что становилось всё более очевидным в последующих выпусках журнала. Среди авторов журнала – профессора многих крупнейших университетов, специализирующихся в смежных отраслях гуманитарного знания, искусствоведы, лингвисты, теоретики литературы, юристы, социологи, экономисты.

Более всего активной публицистической деятельностью отличались председатель клуба и главный редактор журнала. Многочисленные статьи М. Здзеховского на страницах ежегодника «Славянский мир» носили информативный и просветительский характер. Об этом свидетельствуют не только его публикации, посвященные дея-

¹ См.: Дианова В.М., Скочинский Я.Г. Жизнь и мировоззрение Мариана Здзеховского // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 82–91.

² См.: Дианова В.М. Теория цивилизаций Феликса Конечного: своеобразие и смысловые параллели // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. Вып. 1 (6). С. 154–164.

тельности российских славянофилов, философии В. С. Соловьева, воззрениям Л. Н. Толстого, сотрудничеству с Г. Н. Трубецким, общению с С. Ф. Шараповым, но и многочисленные статьи, где речь идет о проблемах сербов, хорватов, болгар, словаков, чехов. Здеховский активно откликался на все события социальной жизни и был своеобразным транслятором российских новостей из сферы политики, философии, религиозной жизни для польской общечественности, но в то же время, активно печатаясь в периодических изданиях Москвы и Петербурга, он был проводником западной информации в российские интеллектуальные круги. Весьма обширна тематика, освещаемая Конечным: польско-украинские взаимоотношения, проблемы университетского образования славян, проживающих на землях Австро-Венгрии, характер русско-польских взаимоотношений и условия развития польской автономии в масштабах Российской империи, выявление причин, препятствующих единению и содружеству славянских народов.

Славянская идея не утратила своей актуальности и поныне. Современные авторы, обращаясь к осмыслению этой темы, подчеркивают не только ее актуализацию в русле исторических изысканий, но и показывают плодотворность ее изучения для осознания культурой идентичности суверенных славянских народов. Среди множества подходов к ее осмыслению – ответ на вопрос, какую роль Россия, как доминирующее «племя» славянства, должна играть в реализации идеи славянской взаимности. Существуют разнообразные ответы. Так, доктор философии М. Мартинкович, обратившись к анализу интерпретаций идеи славянской взаимности в словацком политическом дискурсе, обнаружил по этому поводу большой разброс воззрений теоретиков словацкой культуры и политической среды XIX в., «от понимания ее сути в аполитичном, культурном взаимодействии (Я. Коллар), в свободном общении славянских народов как равноценных субъектов (ранний Л. Штур, Я. Паларик и представители Новой школы), и до панрусизма, подчеркивающего мессианскую роль России в деле достижения свободы славян («Славянство и мир будущего» Л. Штура, публицистика С. Ваянского)»¹. Славянская идея во всех уточняющих ее формулировках всё еще актуальна, что подтверждают реалии современной жизни.

¹ *Мартинкович М.* Трансформация идеи славянства и восприятие России в словацкой политической мысли второй половины XIX века // *Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии.* 2017. Вып. 2. С. 40–41.